Александр П. Флонор

Пепел и пламя

18+

Александр Пивоваров

Наследие пепла: Пепел и пламя

«Автор»
2026

Пивоваров А. Ф.

Наследие пепла: Пепел и пламя / А. Ф. Пивоваров — «Автор», 2026

Это история о том как мальчик потеряв все, встал на путь, который ведёт к жестокой неизвестности. При этом неся искру, что может засиять ярче звёзд.

© Пивоваров А. Ф., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пепел Айронхоллоу 6
Глава 2. Приют на пепелище 10
Глава 3. Железное сердце пламенной души 14
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Александр Пивоваров
Наследие пепла: Пепел и пламя

Название: Пепел и Пламя
Автор(-ы): Александр Флонор Пивоваров
Ссылка: https://author.today/work/615961

Глава 1. Пепел Айронхоллоу

Второе тысячилетие эпохи становления (4) с ухода творца всего сущего. 1976 год, по единому календарю, Королевство Альдегир, город Айронхоллоу.

Конец пах гарью и кровью.

Кай бежал. Худые плечи вздрагивали от каждого далёкого крика, а воздух был таким густым от дыма, что каждый вдох давался с боем. Мальчику было десять. Он не понимал, что происходит, — только чувствовал, как рушится мир.

Улицы, ещё утром казавшиеся родными, теперь корчились в агонии. Где-то обвалилась крыша, и в облаке пыли мелькнула рука — детская, маленькая, тут же исчезнувшая под обломками. Где-то визжала женщина, и её крик оборвался на середине, будто кто-то захлопнул дверь. Кай не оглядывался. Он знал: если обернётся — не сможет идти дальше.

Внезапная атака крысолюдов обернулась для города катастрофой. Никто не успел дать отпор. Стража пала первой — их нашли у ворот, с перерезанными глотками и пустыми глазами. Потом пришли кварталы ремесленников, потом — рынок, потом — всё остальное. Город умирал ярус за ярусом, и смерть поднималась вверх, к цитадели.

Все, кто мог хоть как-то двигаться, бежали к Блэкроку. Кай бежал в другую сторону.

Его целью был дом. Тот самый дом, из которого он утром ушёл по поручению отца — отнести заказ кузнецу в нижнем ярусе. Отец сказал: «Вернёшься к закату, и мы поужинаем вместе». Мать поцеловала его в макушку и сунула в карман кусок хлеба с сыром. Кай не доел его. Хлеб теперь лежал где-то в пыли, растоптанный сотнями ног.

Дом стоял на третьем ярусе, у самой стены ущелья. Кай знал дорогу наизусть — каждую трещину в камне, каждую ступеньку, каждый поворот. Но сегодня улицы были неузнаваемы. Дым стелился по земле, цеплялся за ноги, лез в глаза. В воздухе стоял запах жжёного мяса, и Кай заставлял себя не думать о том, что это за мясо.

Он свернул в переулок и замер.

Навстречу шёл крысолюд. Огромный, в два раза выше Кая, с бугристой серой шкурой и длинным хвостом, волочащимся по камням. В одной лапе он держал копьё, в другой — что-то маленькое и окровавленное. Кай не сразу понял, что это. Потом понял — и его вырвало.

Крысолюд посмотрел на него. В алых глазах не было ни злобы, ни ярости — только равнодушие. Такое же, с каким мясник смотрит на цыплёнка. Он отбросил свою ношу в сторону и шагнул к мальчику.

Кай побежал.

Он не помнил, как добрался до дома. Помнил только, как ноги сами несли его по знакомым улицам, как он перепрыгивал через тела — не разбирая, кто это, как огибал горящие повозки, как один раз чуть не упал, поскользнувшись на чём-то липком и тёмном.

А потом он увидел дом.

Вернее, то, что от него осталось. Крыша провалилась внутрь, стены вывернулись наружу, как рёбра вскрытой грудной клетки. Из окон валил дым — густой, чёрный, с запахом, который Кай не забудет до конца жизни.

Он замер на пороге.

Под обломками лежали двое. Бесформенные, перепачканные пылью и кровью, они были похожи на сломанные куклы. Но он узнал их мгновенно.

Мать. Отец.

Мать лежала сверху, накрыв отца собой — будто пыталась защитить, будто её тело могло остановить то, что уже случилось. Её лицо было спокойным. Почти умиротворённым. Только тонкая струйка крови на виске говорила о том, что это не сон.

Отец сжимал в руке меч. Старый, потёртый, с простой крестовиной из потемневшего металла и рукоятью, обмотанной грубой чёрной кожей. Он принёс его из последнего путешествия — говорил, что это память о молодости, о днях, когда он ещё не был семьянином. Кай много раз просил разрешить ему подержать меч. Отец смеялся и говорил: «Рано, сын. Успеешь».

Теперь меч лежал в его руке. И отец больше ничего не говорил.

— Мама! — крик Кая сорвался на хрип. — Папа!

Никто не ответил. Где-то вдалеке рушилась стена, и грохот камней показался Каю смехом. Город смеялся над ним. Город умирал, и вместе с ним умирало всё, что Кай знал.

Он сделал шаг вперёд. Потом ещё один. Потом опустился на колени рядом с телами и протянул руку — к мечу. Пальцы коснулись холодной рукояти. Кожа была шершавой, тёплой от крови отца. Кай обхватил её обеими ладонями и потянул.

Меч был тяжёлым. Не по-взрослому тяжёлым — по-настоящему, так, что рука сразу потянулась вниз. Кай не удержал его и уронил. Клинок звякнул о камни, и этот звук показался ему оглушительным.

Он попробовал снова. На этот раз получилось — он поднял меч и прижал его к груди, как прижимают ребёнка. Внутри что-то щёлкнуло. Не мысль, не решение — будто кость встала на место после вывиха.

Он не знал, что делать дальше. Не знал, куда идти. Не знал, зачем жить. Но меч в его руках был тёплым, и это тепло не давало ему упасть.

А потом тень накрыла его.

Кай поднял голову. Крысолюд — тот самый, из переулка, или другой, Кай не различал — стоял в двух шагах. Огромный, с копьём наперевес, скалясь, он смотрел на мальчика с предвкушением. В алых глазах читалось не равнодушие, а голод. Он медленно переступал с лапы на лапу, смакуя момент.

Кай не двинулся. Внутри была звенящая пустота. Он смотрел на крысолюда и думал: «Пусть. Всё равно. Всё равно».

Крысолюд сделал шаг. Ещё один. Копьё приподнялось, нацелившись мальчику в грудь.

— Эй, лысое недоразумение! — голос ударил по ушам, перекрывая грохот битвы. — Выбери противника себе по силам!

Из дыма вышел гном. Низкий, широкий, как дубовый пень, закованный в тёмную сталь. Из-под шлема вились рыжие косы, заплетённые в сложные узлы. В руках он держал молот — почти равный ему ростом, — и руны на его боках тлели багровым, как угли в остывающей кузне.

— Я Торбин, по прозвищу Каменный кулак! — рявкнул гном. — А теперь иди сюда и сдохни как положено!

Крысолюд замер. В его маленьких глазках что-то мелькнуло — не страх, но расчёт. Он перевёл взгляд с мальчика на гнома. Мальчик был лёгкой добычей. Гном — угрозой. Крысолюд выбрал угрозу. Он развернулся, сорвался с места, намереваясь взять скоростью.

Он не успел.

Торбин нырнул под удар копья, и молот описал короткую дугу. Удар пришёлся крысолюду в голову. Раздался хруст — сухой, короткий, как ломающаяся ветка. Голова крысолюда лопнула, как перезрелый плод, и его тело рухнуло на камни, дёрнувшись пару раз.

Кай смотрел на это пустым взглядом. Кровь крысолюда растеклась по земле, смешавшись с кровью его родителей. Всё было красным. Всё было одинаковым.

— Эй, малец, — гном подошёл, вытирая молот о край плаща. — Ты как? Не пострадал?

Кай не сразу понял, что вопрос обращён к нему. Он поднял голову и посмотрел на гнома. Тот был страшным — весь в крови, в саже, с молотом, от которого шёл пар. Но глаза у него были спокойные. Усталые.

— Нет, — хрипло ответил Кай. — Спасибо.

Торбин бросил взгляд на дом, на тела под обломками. Что-то дрогнуло в его лице — на мгновение, почти незаметно. Он быстро сложил пазл.

— Пошли со мной, — сказал он, и голос его стал мягче. — Отведу тебя в цитадель. Понимаю, тебе сейчас нелегко. Но здесь оставаться нельзя.

Кай не двинулся.

— Я не могу их оставить, — сказал он.

Торбин помолчал. Потом опустился на одно колено — так, чтобы его лицо оказалось на уровне лица мальчика.

— Слушай меня, парень. — Он говорил тихо, но твёрдо. — Мёртвым уже всё равно. А ты — живой. Пока ты живой, ты можешь что-то сделать. Потом. Когда вырастешь. Когда станешь сильным. Понимаешь?

Кай смотрел на него. В глазах мальчика не было слёз. Только пустота — и что-то ещё, глубоко внутри. Что-то твёрдое.

— Как тебя звать? — спросил гном.

— Кай.

— Кай, — Торбин кивнул. — Хорошее имя. Короткое. Запоминается.

Он встал и протянул руку. Кай посмотрел на его широкую ладонь, покрытую мозолями и шрамами. Потом — на меч отца, который всё ещё сжимал в руках.

— Меч возьми, — сказал Торбин. — Он тебе пригодится.

Кай кивнул. Он засунул меч в ножны — те самые, деревянные, обтянутые кожей, — и они оказались ему велики. Меч волочился по земле, когда он шёл. Но Кай не выпустил его.

Они двинулись к цитадели.

Дорога была короткой — но Кай запомнил её на всю жизнь. Они шли через кварталы, которые ещё горели, через улицы, заваленные телами. Торбин шёл впереди, и его молот был поднят. Несколько раз им навстречу попадались крысолюды, но, увидев гнома, они отступали. Торбин не гнался за ними. Он просто шёл вперёд, и этого было достаточно.

Кай смотрел по сторонам. Он видел то, что не должен был видеть десятилетний мальчик. Видел, как крысолюды вытаскивают людей из домов. Видел, как они играют с ними — не убивают сразу, а мучают, растягивая удовольствие. Видел женщину, которая бежала с ребёнком на руках, и видел, как копьё пробило её насквозь. Ребёнок упал на камни и заплакал. Крысолюд подошёл и...

Кай отвернулся.

— Не смотри, — сказал Торбин, не оборачиваясь. — Просто иди.

Кай шёл.

Ворота цитадели открылись перед ними. Тяжёлые, окованные железом, они разошлись с протяжным скрипом, и за ними Кай увидел крепость.

Блэкрок не строили — его выгрызли из горы.

Чёрная скала вздымалась над городом, и в ней зияли узкие бойницы, похожие на прищуренные глаза. Ни флагов, ни витражей, ни башен с острыми шпилями. Только камень, железо и дубовые ворота, окованные полосами металла. Крепость не обещала уюта. Она обещала, что ты умрёшь не сегодня.

Кай переступил порог — и в тот же момент силы покинули его. Ноги подкосились, меч выскользнул из рук. Мальчик рухнул на камни, и темнота поглотила его.

Торбин подхватил его прежде, чем он ударился о землю. Поднял на руки — легко, как пушинку, — и посмотрел на крепость.

— Ну что ж, — пробормотал он. — Добро пожаловать домой, парень. Насколько это возможно.

Больше событий в городе Кай не видел. Он лежал в беспамятстве, и ему снились крысы. Огромные, с алыми глазами, они шли по улицам его города и ели всё, что видели. А он стоял на коленях в центре площади и держал меч отца. Меч был слишком тяжёлым. Кай не мог его поднять.

Он проснулся от холода.

Он лежал на соломенной подстилке в маленькой комнате с каменными стенами. В углу горела свеча. За окном — узкой бойницей — было темно. Пахло дымом, железом и чем-то ещё, что Кай не мог определить.

Торбин сидел на табурете у двери. Увидев, что мальчик открыл глаза, он кивнул.

— Очнулся. Хорошо.

Кай попытался сесть. Получилось не сразу — тело было тяжёлым, как чужое. Он осмотрелся. Меч отца лежал рядом, у изголовья. Кай потянулся к нему, коснулся рукояти. Только тогда он смог выдохнуть.

— Где я?

— В Блэкроке. В цитадели. — Торбин поднялся и подошёл ближе. — Ты проспал почти сутки. Я уж думал, не очнёшься.

— Родители... — Кай запнулся. — Они...

Торбин молчал. Потом покачал головой.

— Соболезную, парень. Но хоронить их сейчас нельзя. Город ещё горит.

Кай кивнул. Он не заплакал. Внутри было пусто — и эта пустота была тяжелее любого горя.

— Что теперь? — спросил он.

Торбин посмотрел на него. Долго. Внимательно.

— Теперь — осада. — Он подошёл к бойнице и выглянул наружу. — Крысолюды заперли нас в крепости. Внизу — город. Они контролируют все ярусы, кроме верхнего. Мы — здесь. И мы не выйдем, пока не придут подкрепления.

— А они придут?

— Придут, — Торбин сказал это уверенно. — Лорд-наместник отправил гонцов ещё до того, как крысы перекрыли дороги. Кто-нибудь доберётся. А до тех пор нам придётся держаться.

Кай помолчал.

— Я хочу помочь.

Торбин усмехнулся — не зло, но с горечью.

— Помочь? Ты меч-то держать не можешь, парень. Какой от тебя толк?

— Я научусь, — сказал Кай. — Я буду учиться. Каждый день. Пока не смогу.

Торбин долго смотрел на него. Потом вздохнул и почесал бороду.

— Упрямый, — пробормотал он. — Ладно. Посмотрим, что из тебя выйдет. Но сначала — поесть. Ты сутки ничего не ел.

Он вышел из комнаты. Кай остался один.

Он лежал и смотрел в потолок. Камень был чёрным, холодным, чужим. Где-то вдалеке, за стенами крепости, горел его город. Горели дома, улицы, люди. Горело всё, что он знал.

Кай закрыл глаза. Он не плакал. Он просто лежал и слушал, как в его груди что-то тлеет — медленно, упрямо, как угли в остывающей кузне.

Он не знал, что будет дальше. Не знал, выживет ли. Не знал, увидит ли когда-нибудь солнце.

Но он знал одно: он не умрёт сегодня.

Глава 2. Приют на пепелище

Кай проснулся от собственного крика.

Точнее — от того, что крик застрял в горле, так и не вырвавшись наружу. Он лежал на жёсткой койке, вцепившись в меч отца так, что пальцы свело, и смотрел в незнакомый потолок. Каменный. Чёрный. Чужой.

Во сне он снова был там. Под обломками дома. Откапывал камни голыми руками, сдирая кожу до мяса, и слышал, как мать зовёт его откуда-то из-под завала. «Кай, помоги. Кай, не бросай нас». А рядом стояли люди — много людей — и смотрели. Молча. И в их глазах было одно и то же: «Почему ты жив, а они нет?»

Он не успел их вытащить. Он никогда не успеет.

Наваждение схлынуло так же внезапно, как и нахлынуло. Тяжёлые веки разлепились, и мальчик увидел перед собой незнакомый потолок — низкий, сводчатый, с трещинами, расходящимися от углов, как корни мёртвого дерева.

Рядом кто-то стонал. Тихий, надрывный звук, на одной ноте — такой, будто у человека уже не осталось сил даже на настоящий крик. Чуть дальше кричали — громко, отчаянно, но слов было не разобрать: слишком много голосов смешивалось в один сплошной гул, как вода в переполненной ванне.

Кай повернул голову.

Помещение было длинным, с низкими сводами и узкими бойницами вместо окон. Тусклый свет — то ли рассвет, то ли закат — падал косыми полосами, и в этих полосах медленно кружилась пыль. Ряды одноярусных кроватей тянулись вдоль стен — двадцать, тридцать, больше. На большинстве лежали люди. Неподвижные. Стонущие. Забинтованные. Кто-то пытался сесть, но падал обратно. Кто-то звал мать — так же, как Кай во сне.

Воздух был густым, тяжёлым. Он висел в горле, оседал на языке — букет запахов, от которого мутило: травы, какие-то эликсиры, отдающие спиртом и железом, застарелая кровь, пот, немытые тела и — слабо, но отчётливо — гниль. Тот запах, который бывает, когда плоть начинает умирать ещё до того, как умирает человек.

Кай посмотрел на себя. Одежда была другой — простая белая рубаха и штаны, оба великоватые, будто с чужого плеча. Кто-то переодел его, пока он был в беспамятстве. Кто-то трогал его, мыл, укладывал. Мысль об этом была неприятной, но не настолько, чтобы на ней задерживаться. Башмаки, по крайней мере, остались его собственные — стоптанные, с разбитыми носами, но свои.

А меч отца — меч отца был рядом. Под боком. Кай нащупал рукоять и только тогда смог выдохнуть. Он не помнил, как вцепился в него. Не помнил, как не отпускал. Но, судя по тому, как затекли пальцы, держал он его долго.

— А, проснулся наконец.

Голос был сухим, скрипучим, как несмазанная дверь. Кай вздрогнул и обернулся.

Рядом стоял старик. Низкий, сутулый, с лицом, изрезанным морщинами так глубоко, что казалось, будто его вырезали из старого пня. Глаза были светлые, выцветшие, но острые — такие, что, казалось, видят тебя насквозь. Одет он был в чёрный балахон, вытертый до блеска, вместо пояса — простая верёвка. На руках — пятна. Одни от трав, другие от крови. Кай не стал разбираться, какие из них какие.

— Похоже, ты истощил себя сильнее, чем я предполагал, — сказал старик, и в голосе его не было ни сочувствия, ни осуждения — только констатация. — Ещё бы немного, и ты отправился бы к праотцам. Хотя, судя по тому, что я видел, они бы тебя не приняли.

— Г... где я? — Кай напрягся. Голос сорвался на хрип, будто он неделю не разговаривал.

— А где ты ещё можешь быть? В лазарете Блэкрока, которым заведую я. — Старик подошёл ближе, наклонился, заглянул мальчику в глаза. Долго. Оценивающе. — Меня звать Элар. И раз ты уже поправился, значит, койку занимать больше не будешь. Заодно и железку свою заберёшь.

— Железку?

— Да, ту, что у тебя под боком была всё это время. — Элар кивнул на меч. — Вцепился в неё мёртвой хваткой и не отпускал. Я пытался забрать — ты чуть мне руку не откусил. Во сне. Забавно было. А она, между прочим, крайне тяжёлая.

Кай посмотрел на отцовский меч. Он помнил, как взял его. Помнил, как уронил — не удержал. Но чтобы не отпускать... этого он не помнил.

— Ладно, — Элар выпрямился, кряхтя. — Тебе пора. Тут из-за всей этой осады рук не хватает, а дармоедов наоборот. Так что иди либо в ополчение, либо в кузницу. Что, собственно, и советую. В ополчении от тебя толку будет чуть, а в кузнице — вполне. Руки у тебя, судя по мозолям, не барские.

— А у вас? — Кай не знал, зачем спросил. Слова вырвались сами.

Элар остановился. Повернулся. Посмотрел на мальчика так, будто впервые его увидел.

— У меня? — Он усмехнулся, но в усмешке не было веселья. — У меня не то место, где выдержит каждый. Здесь обитает смерть, от которой даже самые лучшие лекарства не помогают. Кровь впиталась в пол — я мыл его трижды, и она всё равно возвращается. Люди теряют конечности чаще, чем простуду. И половина из тех, кого я «спасаю», умирает через день-два, тихо и без благодарности. — Он помолчал. — И ты, зная это всё, всё равно хочешь стать моим помощником?

Кай не сразу ответил. Он смотрел на старика, и в голове было пусто — так пусто, что даже страх не находил места. Только где-то глубоко, на самом дне, ворочалось что-то тяжёлое. Отчаяние. Оно скребло изнутри, рвалось наружу, и Кай знал: если он останется один, если у него будет время думать, он сойдёт с ума. Ему нужно было чем-то занять руки. Чем угодно. Лишь бы не сидеть. Лишь бы не вспоминать.

— Я согласен, — сказал он. — И я буду полезен.

Элар долго смотрел на него. Молча. Потом хмыкнул.

— Хорошо. Но если я увижу хоть намёк на жалобу, бессилие или лень — выгоню в зашей. Не посмотрю, что малец. А теперь, когда ты в моём подчинении, вот твоё первое задание. — Он поднял сухой палец. — Выйдешь из лазарета, свернёшь налево. Впереди спуск — тебе на первый ярус. Там неподалёку будет кузница, где работает старик Гарт. Он должен был сегодня заделать котелки, что я ему относил. Заберёшь их. И не вздумай задерживаться. У меня каждая пара рук на счету.

— Есть, — Кай вскочил с койки.

Тело отозвалось болью — тупой, разлитой, будто его долго били, а потом дали отлежаться. Он не обратил внимания. Привязал меч за спину — тот был тяжёлым, давил на плечи, но по крайней мере не мешал идти, — и направился к выходу. У двери он обернулся.

Элар уже вернулся к своему занятию. Он стоял над одной из коек, где лежал человек без ноги — культя была обмотана бурыми от крови бинтами, — и что-то делал. Медленно. Тщательно. Будто оттягивал момент, когда смерть всё-таки войдёт в эту дверь.

Кай вышел.

Коридор был узким, тёмным, вырубленным прямо в скале. Факелы горели через каждые десять шагов, и их свет выхватывал из темноты влажные стены, покрытые каплями конденсата. Пахло сыростью и гарью — гарь тянулась откуда-то сверху, снаружи, просачивалась через щели, напоминала о том, что где-то там, за стенами, всё ещё горит его город.

Кай шёл, глядя под ноги. Он не хотел смотреть по сторонам. Не хотел видеть лица людей, которые бежали из города так же, как он. Не хотел думать о том, что кто-то из них, возможно, знал его родителей.

Лестница вела вниз — крутая, вырубленная в камне, с высокими ступенями, которые приходилось преодолевать чуть ли не прыжками. Кай спускался осторожно, держась за стену. Меч за спиной бил по лопаткам при каждом шаге.

Первый ярус цитадели встретил его гулом. Здесь было людно — не так, как в лазарете, где все лежали, а по-другому. Люди двигались. Носили воду, мешки, доски, какие-то ящики. Голоса сливались в один сплошной шум. Где-то ругались, где-то командовали, где-то плакал ребёнок.

Кай свернул налево, как сказал Элар, и почти сразу увидел кузницу. Она была встроена в скалу — низкий свод, широкий вход, из которого валил дым и шёл тяжёлый запах раскалённого металла. Внутри что-то грохотало. Кто-то бил молотом по наковальне — ритмично, размеренно, как сердце.

Кай шагнул внутрь.

Зал совещаний при цитадели был не большим и не маленьким — ровно таким, чтобы вместить всех, кто должен был там быть. Каменный стол, вырубленный прямо из пола, занимал центр. Вдоль стен — факелы, от которых на лицах сидящих плясали тени.

Во главе стола сидел грузный мужчина. Лицо его было изрезано морщинами — глубокими, как трещины в старой стене, — и выглядел он так, будто не спал неделю. Хотя прошёл всего день осады. Это был Руперт Карлайл, лорд-наместник Айронхоллоу. Правитель последнего оплота обороны.

По правую руку от него сидел капитан гарнизона — покрытый свежими и не очень шрамами, с короткой стрижкой и густыми усами, которые он то и дело теребил. По левую — Торбин, Каменный кулак. На фоне людей он казался ожившей каменной статуей: широкие плечи, тяжёлые руки, борода, заплетённая в косы. Молот стоял рядом с его стулом, прислонённый к стене, и руны на его боках тускло тлели.

Рядом с капитаном сидел четвёртый. Худой, как скелет, в тёмной мантии с вышитыми символами, которые никто, кроме него, не понимал. Придворный маг. Глаза у него блестели лихорадочно, и он то и дело сжимал и разжимал пальцы, будто пытался удержать что-то, что ускользало.

— Я прошёл осады, — начал Руперт, и голос его был глухим, усталым. — Встречал набеги монстров, отбивал атаки северных кланов, пережил две эпидемии и один голод. И всё это захлёбывалось под стенами города. Однако сейчас... — он помолчал, — сейчас всё иначе. Крысолюды. Раса, которая едва может собрать в единую армию пару сотен. А сейчас они загнали нас в цитадель так, будто им это ничего не стоило. Капитан. — Он повернулся. — Слово. Что ты можешь сказать о враге?

Капитан встал. Говорил он аккуратно, словно взвешивая каждое слово — или не веря своим же словам.

— Судя по всему, крысы ночью, незаметно, проникли на стены города. Дождались смены караула — и вырезали всех, кто там находился. Как их не заметили — до сих пор остаётся загадкой. Но что было дальше, нетрудно догадаться. — Он сжал челюсть. — Ворота были открыты. Их армия — будто появившаяся из воздуха — напала на город. Они действовали на удивление организованно. Их численность... — он запнулся, — насчитывает тысячи. Трудно представить, что нас прижали крысолюды, которые не могли похвастаться ни интеллектом, ни дисциплиной, ни — тем более — полномасштабной осадой. Но факт остаётся фактом. У нас практически нет шансов.

— Тогда что ты предлагаешь, человек? — Торбин подался вперёд, и стул под ним скрипнул. — Насколько мне известно, каждого гонца, которого вы отправляли, находили. И убивали. Показательно. Со вкусом. Медленно.

Капитан побледнел. Слова гнома были правдой — и правдой жестокой. Они отрезаны. Полностью. От внешнего мира, от помощи, от надежды.

— Единственное, что мы пока можем сделать, — сказал капитан, и голос его стал тише, — это держать осаду. И молиться, чтобы подкрепление прибыло как можно быстрее.

— И это всё? — Торбин ударил кулаком по столу. Камень дрогнул. — Сидеть как закуска в бочке? Ждать, пока нас сожрут?

— Капитан прав, — Руперт поднял руку. — Мы пока не располагаем ни информацией, ни возможностью. И что самое главное — солдатами. Однако запасов нам хватит примерно на полтора года. Если продержимся, то в течение месяца сюда прибудет армия короля.

— Очень на это надеюсь, — проворчал Торбин. — Я бы не хотел стать крысиной закуской к их выпивке.

— Так же я прикажу своим людям изучить архивы, — добавил Руперт, — и понять причину столь необычного поведения крысолюдов. Что-то изменилось. Что-то, чего мы не знаем. — Он обвёл взглядом собравшихся. — Объявляю совещание оконченным. Все свободны.

Стулья заскрипели. Люди поднялись. Маг вышел первым — быстро, почти бегом, будто его что-то тянуло наружу. Капитан задержался, что-то тихо сказал Руперту. Торбин подошёл к своему молоту и взвалил его на плечо.

— Руперт, — сказал он, не оборачиваясь. — Ты веришь в то, что говоришь?

Лорд-наместник молчал. Долго.

— Нет, — сказал он наконец. — Но я должен.

Торбин кивнул. И вышел.

Глава 3. Железное сердце пламенной души

Спуститься на нижний ярус было словно очутиться в ином мире.

Если в лазарете Элара, на среднем ярусе цитадели, пахло лекарствами и кровью, то здесь воздух был сухим и плотным. Он оседал в лёгких, царапал горло. Уголь, пот, раскалённый металл и едва уловимая кислинка — будто где-то рядом тлела старая кожа. Этот запах был живым. Он двигался, менялся, дышал вместе с огнём.

Звук Кай услышал раньше, чем увидел кузницу. Ритм — тяжёлый, размеренный, низкий, — он не просто звучал, он сотрясал камень под ногами. Удары молота, шипение воды, рёв горнов, чей-то мат — всё это сливалось в одну бесконечную симфонию, от которой закладывало уши и кружилась голова.

Кузницу было найти проще, чем не найти.

Кай шагнул внутрь — и замер.

Помещение оказалось огромным, вырубленным прямо в скале. Своды терялись в темноте где-то наверху, и оттуда, из черноты, свисали цепи, блоки и какие-то крюки. Вдоль стен стояли горны — десять, может, больше. За каждым трудилось по несколько человек: кто-то держал заготовку клещами, кто-то бил молотом, кто-то качал меха. Все двигались в едином ритме, как один огромный механизм.

Все — кроме одного.

В центре помещения, за самым большим и самым горячим горном, работал старик. Он был один — и этого было достаточно. Молот в его руках взлетал и опускался с тяжёлым, глухим звуком, и каждый удар отдавался в груди Кая.

Старик был огромен. Не высок — широк, как дубовая бочка, с руками, которые казались вырубленными из того же камня, что и стены вокруг. Волосы его давно поседели, а длинная борода была заплетена в две косы, которые в нескольких местах обгорели. Он был оголён по пояс, и по каждому сантиметру его массивного тела стекал пот, смешанный с сажей. Шрамы покрывали его кожу, как трещины покрывают старую кожу, — ожоги, порезы, следы от брызг металла.

Он не смотрел на Кая. Он вообще ни на кого не смотрел. Только на металл под своим молотом.

Закончив с очередной заготовкой — длинной, багрово светящейся полосой, — старик отложил её в сторону и подошёл к соседнему горну. Там один из подмастерьев — молодой парень с испуганными глазами — опустил раскалённую заготовку в ведро с водой. Густой пар с шипением вырвался наружу, ударил в лицо, и парень отшатнулся.

— Держи ровно, болван! — рявкнул старик.

Подмастерье вытащил заготовку — тёмно-фиолетовую, с неровными краями, — и протянул её старику. Руки у парня дрожали.

— Держите, мастер Гарт.

Гарт взял заготовку, повертел в руках, посмотрел на свет. Его лицо не выражало ничего. Потом он поднял глаза на подмастерье — и в этих глазах не было ни злости, ни жалости. Только усталость человека, который видел слишком много криворуких идиотов.

— Я же говорил: закалка — это жизнь клинка, — произнёс он. Голос был низким, гулким, не уступающим гному. — Неужели вместо того чтобы слушать ушами, ты слушал иным местом, где тоже находится отверстие и куда я хочу засунуть это подобие заготовки?

Подмастерье побледнел.

— Однако нам он важен, — продолжил Гарт, — и мне придётся лишиться подобного удовольствия. Поэтому переделать эту кривую железку во что-то стоящее. Иначе мне придётся лично с этим разобраться. Вот только тогда ты тоже пойдёшь с ней на переплавку.

— Д-да, мастер Гарт, — пролепетал парень.

Он схватил заготовку и бросился к горну, едва не споткнувшись о собственные ноги. Гарт проводил его взглядом — тяжёлым, как молот, — и тихо выругался. Потом наконец обратил внимание на гостя.

Кай стоял у входа, не двигаясь. Он смотрел на всё это — на огонь, на людей, на старика, — и не мог пошевелиться. Здесь было страшно. Не так, как на улицах города. По-другому. Здесь был порядок. Жестокий, беспощадный, но порядок. И от этого становилось легче.

Гарт посмотрел на него. Долго. Сверху вниз, как смотрят на букашку, которая забрела не туда.

— Ты ещё кто? — спросил он. — И откуда у тебя этот клинок за спиной? Только не смей врать, будто нашёл. Я знаю, чей он.

Кай сглотнул. Во рту пересохло — от жара, от страха, от чего-то ещё.

— Э-это меч моего отца, — выдавил он. — Меня зовут Кай. Я от Элара. За к... котлами.

Гарт замер. Его глаза — маленькие, глубоко посаженные, окружённые сетью морщин, — сузились.

— Сын Дейрона, — сказал он. Не спросил. Констатировал.

Кай кивнул.

Гарт хотел было что-то спросить. Уже открыл рот — и остановился. Он видел этот взгляд. Видел его у многих. У солдат, которые вернулись с войны без рук. У женщин, которые потеряли детей. У мужчин, которые потеряли всё. Пустой, тяжёлый взгляд человека, который видел слишком много и уже не может забыть.

Старик закрыл рот. Помолчал. Потом отвернулся.

— Вечно ему эти котлы нужны, — проворчал он, и в голосе что-то дрогнуло. — Задрал уже. Они ещё не готовы. Но скоро будут. От этих криворучек ничего путного ждать не стоит. — Он кивнул на подмастерьев. — Однако ситуация заставляет их навыкам расти намного быстрее. Поэтому пока котлы будут готовиться, ты будешь на мехах.

Кай вздрогнул.

— Н... но я же у Элара...

— Да плевать мне на него, — отрезал Гарт. — Ты по его поручению пришёл, вот и жди. А пока ждёшь — полезным делом займёшься. — Он наклонился, и его лицо оказалось совсем близко к лицу Кая. От него пахло потом, железом и чем-то жжёным. — И только попробуй сбить ритм. Лично в горн закину. Покажу, как надо работать мехами. Быстро прожаришься до хрустящей корочки.

Кай понимал абсурдность этих заявлений. Гарт не стал бы закидывать ребёнка в горн — по крайней мере, он на это надеялся. Но проверять на практике не стал. Вместо этого послушно подошёл к мехам — огромным кожаным мешкам, которые нужно было качать руками, — и встал рядом с другими подмастерьями.

Это было тяжело.

Меха были тугими, как живые. Каждый раз, когда Кай тянул рукоять вниз, мышцы плеч и спины отзывались болью. Он не привык к такой работе. Но ритм — размеренный, повторяющийся, — постепенно захватил его. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Огонь в горне вспыхивал ярче, металл накалялся, и в этом ритме не было места мыслям.

Это было именно то, что ему нужно.

Он не думал о родителях. Не думал о доме. Не думал о крысолюдах. Он просто качал меха. И огонь горел.

Торбин стоял на стене и смотрел вниз.

Там, под стенами цитадели, было месиво. Крысолюды — тысячи, десятки тысяч? — откатывались назад, оставляя на камнях тела своих сородичей. Их было так много, что трупы уже не помещались на узкой полосе между стеной и обрывом. Они громоздились друг на друга,

образуя валы, по которым следующая волна атакующих могла бы взобраться наверх — если бы у них было время.

Но времени не было. Защитники не давали им передышки.

Торбин опустил молот. Руны на его боках потускнели — он давно не вливал в них силу. Слишком много. Слишком часто. Слишком долго.

— Сколько мы их положили? — спросил он у стоящего рядом капитана.

Капитан — тот самый, со шрамами и усами, — вытер лицо рукавом. Рукав был мокрым от крови, и на лице остался тёмный след.

— Не знаю, — ответил он. — Слишком много. Но их не становится меньше. Каждую ночь — новая волна. Каждый день — новые тела. Они не считают потери. Они просто идут.

Торбин кивнул. Он и сам это видел.

Крысолюды атаковали волнами. Небольшими отрядами, которые накатывались на стены, как прилив. Они не пытались прорваться — просто давили, давили, давили. Истощали силы защитников. Заставляли их тратить стрелы, копья, огонь, силы. Заставляли их не спать.

Это была не осада. Это была мясорубка.

— Это надолго, — пробормотал Торбин. — Очень надолго.

Он не знал, что где-то там, в темноте, среди руин города, кто-то смотрел на эти стены — и улыбался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.